

— Да, да, я как раз об этом и думал. Линлин по натуре своей чиста и наивна, возможно, просто ляпнула не подумав. Я не могу на неё обижаться или ставить ей палки в колеса, — сказал Жун Юэ. На самом деле он тоже очень дорожил Сюань Лин и не хотел её ранить, просто её слова выбили его из колеи, и он до сих пор не мог прийти в себя.

Расспросив Сюань Ли, он узнал, что секта Даньшэн чуть не была полностью уничтожена Бессмертной Пань Юй и Даосом Ячи. Даос Фэйцзюэ впал в кому, секта пришла в упадок, и теперь делами заправлял ученик Даоса Фэйцзюэ — Хуа Цюй.

Жун Юэ не раз сетовал на это. Он ведь так мило беседовал с Хуа Цюй, кто бы мог подумать, что из-за него огромная секта Даньшэн навлекла на себя такую беду.

— Ты тоже слишком простодушен. Раз кто-то собрался переплавить тебя в пилюлю, нечего тут рассыпаться в добрых намерениях. Не пытайся всё тянуть на себе. В следующий раз пойдем собирать травы вместе — разделим невзгоды, и ты не попадешь в такой переплет, как сегодня. Ты в конце концов уже Бессмертный, как ты мог оказаться совершенно беззащитным перед Даосом Фэйцзюэ? Ты ведь был очень силен, когда только попал на остров Фуин, разве нет? — Сюань Ли заговорил о том, как его схватил Даос Фэйцзюэ, и в душе был крайне этим обеспокоен.

— Ну, есть горы выше гор, есть мастера искуснее других. Перед лицом столь сильных противников я действительно был словно муравей. Дядюшка мог лишь вернуться, чтобы принести весть. После случившегося я понял, что больше не могу позволять другим вертеть мной как угодно. Я должен усердно совершенствоваться, чтобы впредь ходить с тобой наравне и тоже стать кем-то значимым.

— Я больше не буду учить тебя всему за руку, как прежде. Твоя наставница, Бессмертная Пань Юй, скоро отправится в странствие, и многое тебе придется постигать самостоятельно. Но я, так уж и быть, буду иногда давать тебе советы, — Сюань Ли по-прежнему сохранял холодный вид, оставаясь невозмутимым, хотя в его глазах нет-нет да и пробежала рябь.

— Тогда... прошу вашего наставничества!

Отдохнув в обители Синьюэ, Жун Юэ переоделся в чистое и отправился искать Сюань Лин. Он больше никуда не заходил, а сразу нашел её под Деревом Десяти Тысяч Весен.

Что бы ни случилось, была ли у неё печаль или радость, она всегда приходила сюда, к дереву, чтобы выговориться — и дереву, и Жун Юэ. Она уже не помнила, сколько раз встречалась с Жун Юэ под этой кроной, но он всегда искренне был рядом и никогда её не обманывал. После тех резких слов, что так задела её любимого брата Юэ, она почувствовала стыд и вину, поэтому прибежала сюда посидеть в одиночестве и немного поговорить с самой собой.

Сюань Лин была подобна юной деве, чьи мысли спутаны: стоило заговорить о Жун Юэ, как уголки её губ невольно поднимались, а на сердце становилось радостно.

Заметив, что Жун Юэ подошел и сел рядом, она потупила взор и отвернулась, делая вид, что не замечает его.

Листья Дерева Десяти Тысяч Весен переливались красками, полные жизненных сил, а огромная крона укрывала их, словно под защитой.

Жун Юэ видел, что Сюань Лин всё ещё дуется. Он задумался, раскрыл ладонь, и весенний лист, оторвавшись от ветки, упал ему в руку.

Он сложил ладони вместе и, загадывая желание, прошептал: — Я, Жун Юэ, в этой жизни приложу все силы, чтобы оберегать и защищать Сюань Лин. Неважно, будет ли она обращать на меня внимание, будет ли меня ненавидеть, и даже неважно, действительно ли я её люблю — в моем сердце она навсегда останется лучшей Сюань Лин. Я не позволю ей грустить, не позволю быть одинокой. Я клянусь своей кровью и сердцем защищать её покой всю жизнь. Если нарушу эту клятву, пусть меня поразят небесные молнии, а душа рассеется без следа!

Жун Юэ дал страшную клятву, вложив в лист свою кровь и силу Бессмертного. В небе блеснула вспышка, и даже Дерево Десяти Тысяч Весен вздрогнуло от такой клятвы.

Сюань Лин, которая пыталась делать вид, что ничего не слышит, испугалась. Она поспешно закрыла Жун Юэ рот рукой, а из её глаз покатались слезы. Её лицо было полно печали и тревоги, отчего на сердце становилось тяжело. Она проговорила: — Брат Юэ, незачем было так делать. Лин'эр не грустит, Лин'эр на тебя не в обиде. Больше всего на свете я боюсь, что с тобой что-то случится, зачем же ты наложил на себя такие узы?

Жун Юэ передал лист Сюань Лин. В его глазах сияла улыбка, и не было ни капли сожаления — он пошел на это по доброй воле.

Он взял руку Сюань Лин и слегка коснулся её губами, прошептал: — У меня нет ничего, что я мог бы тебе подарить, кроме этого обещания. Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива. Всё, что я могу — это оберегать тебя. Носи этот лист с собой, он признает тебя хозяйкой, но связан с моей кровью. В минуты опасности он защитит тебя. Даже если ты разлюбишь меня, клятва не исчезнет, и он всё равно будет тебя хранить. Ну... считай его своим «хвостиком», просто не выбрасывай. — Жун Юэ поднял руку и нежно вытер слезы под глазами Сюань Лин.

Услышав про «хвостик», Сюань Лин наконец не сдержалась и рассмеялась. Увидев её улыбку, Жун Юэ тоже засмеялся.

Лед растаял, сменившись лучезарной улыбкой.

Наблюдая за ними, Фэн Цицзюнь Сюань Ли почувствовал дрожь. Слышать клятву Жун Юэ, подкрепленную кровью сердца, было поистине шокирующе, ведь такая клятва не может лгать, а это место точно не было иллюзией, созданной деревом. Это было то, что произошло в прошлом.

Но он никогда не знал, что Жун Юэ утешал её таким образом, никогда не знал, что эта клятва была дана лишь ради того, чтобы сделать её счастливой, и что он пожертвовал ради этого собственной жизнью. Теперь, когда Сюань Лин погибла в огне небесных фонарей, виноват в этом был уже не Жун Юэ. Вспоминая того Жун Юэ — с окровавленной одеждой, потухшим взглядом и убитого горем, — Сюань Ли почувствовал, как с души упал камень. Неизвестно, что его тронуло больше: клятва Жун Юэ или надежда на спасение Сюань Лин. Теперь он знал, что для Сюань Лин ещё теплилась крошечная искра жизни, но до истинной правды было ещё далеко.

На острове Фуин воцарилось редкое спокойствие, все жили в мире.

С тех пор как наставница Жун Юэ, Бессмертная Пань Юй, отправилась в странствие, он стал ещё прилежнее в культивации. Стоило ему взяться за дело всерьез, как прогресс пошел семимильными шагами. Сюань Лин помирилась с Жун Юэ, больше не вспоминая о случившемся, и продолжала жить беззаботно и радостно.

На острове Фуин вечно случались какие-то мелочи. Ни Инь часто следовала за Сюань Ли, и хотя прямых столкновений с Жун Юэ было немало, всё это часто заканчивалось лишь нелепыми курьезами.

Сюань Ли часто уходил на тренировки, готовясь к восхождению в ранг Цзюня Бессмертных, и вскоре наступил день Отбора Мечей.

День Отбора Мечей был ещё более редким событием, чем Весенний банкет, который проводился раз в десять лет. Отбор Мечей случался раз в триста лет, и участвовать в нем могли лишь те, кто стоял в полушаге от уровня Цзюня Бессмертных.

В день Отбора Мечей необходимо было в Земле Истока отыскать и выковать свой меч судьбы, а затем светом меча доказать своё мастерство. Лишь получив признание камня испытаний от наставников острова Фуин, можно было обрести право на «увещевание мудростью» от Дерева Десяти Тысяч Весен.

Большинство Цзюней Бессмертных острова Фуин преодолевали этот порог именно с помощью силы Дерева. Перед входом в ранг Цзюня Бессмертных лежали испытания небесным огнем и громом, а также инь-ян духовное испытание — путь был полон опасностей. Увещевание мудростью от Дерева помогало им укрепить сопротивляемость этим испытаниям. Вот почему столько людей мечтали об этом, и вот почему остров Фуин был столь могущественным.

Единственной, кто достиг ранга Цзюня Бессмертных собственными усилиями, была Бессмертная Пань Юй. Она обладала выдающейся силой, гордым нравом, превзошла многих, кто был до неё, и пользовалась огромным уважением в Мире Бессмертных, стоя вровень с Даосом Ячи. Жун Юэ, как её единственный ученик, получил от этого немало благ.

Однако Бессмертная Пань Юй была по натуре своей легкой и свободолюбивой, не любила заниматься пустяками и, помимо необходимых наставлений, практически не вмешивалась в

дела своего ученика Жун Юэ. Это тоже было частью его испытания. Помимо обязанностей на острове, она также несла дозор в мире Сюрах, лежащем на границе Мира Бессмертных, Мира Демонов и Мира Преисподней, но всё равно оставалась «самой безответственной» наставницей.

Ныне, когда до великого события — Отбора Мечей — оставалось совсем немного, Жун Юэ тоже достиг уровня полушага и готовился поспорить за первенство с Сюань Ли.

Тот, кто занимал первое место в Отборе Мечей на острове Фуин, помимо дара от Дерева Десяти Тысяч Весен, получал ещё одну интересную привилегию — имя от Цзюня Бессмертных дерева. В нужный момент с него слетал золотой весенний лист, и выгравированные на нем слова становились официальным титулом победителя, что признавалось даже Небесным Дворцом.

День спустя Жун Юэ вместе с Сюань Ли отправился на тренировку. До Отбора оставался год, и Жун Юэ решил навестить родные края — Болото Духовного Моря. Сюань Ли поехал с ним.

Жун Юэ недоумевал: — Почему ты поехал со мной в Болото Духовного Моря? Разве ты не хочешь вернуться и навестить свой клан?

— Нет нужды. Успею вернуться к дню Отбора. Я не хочу там задерживаться.

Сюань Ли ответил твердо и решительно. Для него это место действительно было полно болезненных воспоминаний. Раньше он, может, и не был так категоричен, но теперь, когда его родители ушли из жизни, что могло его там удерживать? Тем более что в своё время клан Сюань безжалостно бросил его и сестру Сюань Лин. Никто и подумать не мог, что через триста лет Сюань Ли вернется как любимый ученик Даоса Ячи с острова Фуин. Все видели его старания за эти три века: теперь Сюань Ли уже обладал силой Цзюня Бессмертных, он неизменно занимал первые места на Весеннем банкете и Дне омовения мечей.

Его слава давно затмила славу Фэй Си, первого ученика Даоса Ячи, и все уже считали, что именно Сюань Ли — главный ученик острова Фуин.

Сюань Ли, первая фигура острова Фуин, за первые пять лет после прибытия на остров успел проштудировать всё хранилище книг и изучить древние манускрипты. Позже, получив наставления Даоса Ячи, он плавно вошел в ранг Бессмертного. С бессмертным законом в качестве корней и тренировками в качестве стебля, он рос и креп с каждым днем.

Каждое его деяние было грандиозным: он одержал верх над множеством соперников в битве на мечах, проявил мудрость в схватке с тысячелетним лесным демоном на горе Куньлунь, первым разгадал первый уровень сферы Юй на экзамене острова Фуин, вместе с Жун Юэ усмирив столетнее наводнение в Восточном море... Теперь ему не хватало лишь собственного меча.

— Если тебе там не нравится, может, попробуешь считать Болото Духовного Моря своим

домом? Хотя здесь, кроме меня, ничего нет, надеюсь, ты не побрезгуешь, — сказал Жун Юэ, паря в небе над болотом и улыбаясь Сюань Ли.

Водная гладь Болота была спокойной и бескрайней. На него веяло пустотой и прохладой морского ветра. Между небом и землей были лишь их крошечные фигурки. Сюань Ли замер, услышав это; он не мог поверить, что Жун Юэ прожил здесь один двести лет.

— Если это место для жизни, есть ли где жить? — вырвалось у Сюань Ли.

Встречая морской ветер, он чувствовал необычайный покой. Глядя на эту красоту — синее небо, широкое море, облака, плывущие по воде, — он видел пейзаж, лишенный деревьев и цветов, но прекрасный, как оживающая картина. А человек, который разворачивал эту картину перед ним, был Жун Юэ.

Жун Юэ улыбнулся: — Где сердце спокойно, там и есть жилище.

— Хотя Болото Духовного Моря — это сплошная пучина и здесь почти нет живых существ, в глубинах скрыто множество островов. Стоит их поднять, и можно строить дома. Я знаю, что ты боишься воды, поэтому думал: если ты приедешь, я должен проявить гостеприимство, чтобы тебе было комфортно.

Жун Юэ повел Сюань Ли дальше и, зависнув в воздухе, применил заклинание к скрытому острову под ногами. Сконцентрировав силу Бессмертного и шепча про себя заклинания, он начал медленно сдвигать остров. Сначала ничего не происходило, но потом остров начал подниматься над водой, и потоки воды с грохотом, подобным водопаду, устремились вниз. Это было впечатляющее зрелище. Когда половина острова показалась над поверхностью, Жун Юэ зафиксировал его магией, чтобы он больше не дрожал. Теперь это был его остров.

Жун Юэ рассмеялся: — Сюань Ли, ну как? Я хорош, да?

Сюань Ли слегка кивнул: — Ты ведь хочешь здесь выковать свой меч?

Жун Юэ: — Да. Даже если моря сменятся сушей, ничто не изменит Болото Духовного Моря. Я дитя этого болота, возвращенное им, и оно больше всего желает, чтобы здесь было больше жизни. Остров появился, теперь я изменю его атмосферу.

— И как же ты это сделаешь?

— Я — дух воды и дерева, несу в себе искру жизни. Взрастить цветы и деревья — для меня пустяк, хи-хи!

Жун Юэ полетел над островом, осыпая его зеленым сиянием. Везде, где он пролетал, появлялись цветы, травы и деревья. Вскоре остров, который был совершенно безликим,

наполнился жизнью.

В центре острова Жун Юэ расчистил площадку и с помощью магии дерева воздвиг беседки и дворики, проложил извилистые ручьи. Это было в точности похоже на их обители на острове Фуин: там была обитель Синьюэ, павильон Хэи и домик Цзюньвэнь. Однако создание гор и островов требовало немало сил, и, закончив, он был совершенно измотан.

Солнце клонилось к закату. Жун Юэ закончил строительство, и Сюань Ли сказал: — Ты явно пытаешься перенести сюда остров Фуин.

— Я боялся, что тебе здесь не понравится.

Жун Юэ выглядел усталым. Не успел он договорить, как пошатнулся и упал в объятия Сюань Ли, погрузившись в глубокий сон. Сюань Ли, вздохнув, отнес его в дом.

В ту ночь Жун Юэ приснилось, как он дрейфует по Болоту Духовного Моря. До того как принять человеческий облик, он был лишь обломком дерева, плывущим по воде. Те времена были так далеки, что он не помнил, сколько прошло лет — тысячи или десятки тысяч. Он не знал, кто бросил его в эти безжизненные воды.

Он дрейфовал, впитывая духовную энергию мира. Его тело не гнило, а почти слилось с водой. В те долгие дни родился редчайший дух воды и дерева, и он был единственным живым существом здесь.

В тот момент, когда он принял форму, он словно услышал сердцебиение Болота, затихавшее на тысячи лет, и его радостный гул. Бесчисленные потоки энергии хлынули в него. Через двести лет после его рождения мимо проезжал Сюань Лун, который забрал его с собой. Когда он вернулся, Болото всё так же ликовало, встречая его.

Болото Духовного Моря было необъятным, почти бесконечным. Оно граничило с Восточным, Западным, Северным и Южным морями, а также было пограничьем Мира Бессмертных и Мира Преисподней. Однако бессмертные и духи преисподней пользовались другими проходами, а в Болоте духовная энергия с трудом собиралась, поэтому людей здесь почти не было.

Так Болото вошло в число четырех великих пустынных областей верхнего мира. Только Жун Юэ, рожденный здесь, обладал уникальным преимуществом: он мог слиться с Болотом, свободно перемещаться по нему и чувствовать любое волнение в его водах. Можно сказать, он был истинным владыкой этого места.

Весь этот год перед Отбором Мечей Сюань Ли и Жун Юэ провели здесь. Жун Юэ никак не мог придумать название для острова, пока Сюань Ли сам не написал его: «Чжоу в облаках» (В облачном краю).

«Чжоу в облаках» стал жемчужиной Болота: небо и воды соединялись, а жемчужина отражала свет. Это был настоящий рай в стороне от мира.

Когда Жун Юэ спросил почему, Сюань Ли, сперва молчавший, наконец ответил: — Это место подобно настоящему раю, оно ничем не уступает острову Фуин. Бескрайнее Болото, острова, открывающиеся взору после того, как развеются облака и туман — это и есть «Чжоу в облаках», разве не об этом ты мечтал? Облака и воды сливаются с небом, жемчужина отражается в болоте, «Чжоу в облаках» — рай в стороне от мира.

Жун Юэ повторил эти слова несколько раз, постепенно улыбаясь: — «Чжоу в облаках»... изысканно и очень точно. Это как раз то, что было у меня на душе. Звучит из твоих уст — лучше не придумаешь. Отныне это место наших встреч, мой уголок свободы и твой дом. Здесь ты можешь делать всё, что хочешь, никто не помешает. Хи-хи! Остров пусть будет «Чжоу в облаках», а домики здесь — «Есть бессмертный — будет дух», как тебе?

Жун Юэ посмотрел на Сюань Ли и улыбнулся.

— Сойдет. Звучит в твоём стиле. На самом деле, дух не от бессмертного, а от человека. Болото становится прекрасным местом, только когда в нём есть жизнь. — Сюань Ли взглянул на Жун Юэ, и в его душе пробежала рябь. Он не умел быть таким же беззаботным, но не мог не смотреть на него с восхищением. — Ты правда разрешишь мне делать всё, что я захочу?

— А что ты хочешь сделать?

— Сначала — пожить здесь с тобой год, провести эти тихие, простые дни.

— Я как раз об этом и думал. Правда, где я, там не бывает тихо и просто.

— Разве я не знаю? Разве я не привык? Только... кто из нас двоих не может без другого: ты без меня или я без тебя? — Дальнейшее бормотание унес морской ветер, разобрать его было невозможно.

Весь этот год Жун Юэ не только усердно практиковался, но и обустроивал остров. С южной стороны он посадил каштановую рощу и разбил сад с лекарственными травами. В поместье «Есть бессмертный — будет дух» было небольшое озеро, где они часто ловили рыбу. Сюань Ли боялся воды и не заходил в неё, но рыбалку не отвергал. Жун Юэ научился у Бессмертной Пань Юй игре на цине и сам вырезал семиструнный инструмент, назвав его «Шитун», а Сюань Ли играл на сяо. Они часто музицировали вместе, соединяя сердца через музыку.

Триста лет пролетели, как капли дождя. От дома Цзюньвэнь до павильона Хэи, обители Синьюэ и, наконец, «Чжоу в облаках» — многое стало ясным. Их сердца неудержимо тянулись друг к другу, хотя взгляды и лунный свет были слишком смутны, чтобы смотреть прямо.

Жун Юэ с помощью магии ускорил рост каштанов, и вскоре собрал первый урожай. Очистив каштаны, они сидели в гостиной и разговаривали. Он вспомнил ласковое прозвище, которым дядюшка Сюань Лун называл Сюань Ли — «Маленький Каштан». Жун Юэ не удержался и рассмеялся: — Ты действительно любишь каштаны! Но когда дядюшка так тебя называет, а ты отвечаешь с таким серьезным видом, я не могу сдержать смех. Хорошо, что никто больше тебя так не зовет, иначе от этих «Маленький Каштан, Маленький Каштан» все бы забыли, как звучит твое имя.

Сюань Ли, подняв чашку чая, мысленно кипел от негодования: «Только дядюшка так может, и только ты смеешь так надо мной подшучивать. Вспоминая прошлое, я не помню, почему так помешался на каштанах, просто они мне нравятся, этот вкус... такая сладость, что кружит голову...»

Съев немного каштанов, Жун Юэ достал нечто редкое и поставил на стол. Сюань Ли спросил: — Что это?

— Моё новое вино, хочешь попробовать?

— Я не пью, — отказался Сюань Ли.

Жун Юэ расстроился: — Если боишься, что после вина начнешь вести себя странно или натворишь дел, я никому не расскажу. Здесь только мы двое, мне больше не с кем дегустировать. Попробуй ради меня, если не хочешь, в следующий раз дам попробовать Линлин. У неё голова крепче моей, я в питье ей всегда проигрывал.

— На острове Фуин запрещено пить в учебных помещениях. Как ты смеешь так нагло нарушать правила? Да еще и Линлин дурному учишь.

Жун Юэ, решив, что он сердится, притих: — Хотя пару раз бывало, мы всегда делали это за пределами острова. Хуа Цюй приглашал нас, мы заглядывали к Бессмертному Вина, пробовали человеческие вина... В жизни сотни вкусов, у вина тоже сотни граней, и у каждого состояния опьянения своя глубина. Ты не можешь вот так всё отрицать, в конце концов, это не такая уж плохая вещь.

— Язык у тебя без костей.

Сюань Ли, однако, налил себе немного в чашку. Жун Юэ удивленно округлил глаза, а Сюань Ли, взглянув на него, приоткрыл тонкие губы: — Только в этот раз. Больше не предлагай.